

молодые голоса

ЛЕОНИД
БЕЛЯЕВ

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я

**ЛЕОНИД
БЕЛЯЕВ**

ДОЖДИ ГРИБНЫЕ

МОСКВА. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1975

Б $\frac{70402-057}{078(02)-75}$ 291—75

© Издательство «Молодая гвардия», 1975 г.

О ЛЕОНИДЕ БЕЛЯЕВЕ

Есть одно особенно обнадеживающее свойство стихов Леонида Беляева: их можно узнать, если даже они и не будут подписаны его именем. Читатель спросит: «Но как? По каким приметам?» Отвечу: прочтите эту книжицу, и вам все станет ясно. Вы просто не сможете не заметить добрую улыбку поэта, которой, как весенним солнышком поля и леса, озарены все его стихи. Заметите, и даже улыбнетесь сами. И не раз! Вот, например, как он пишет о морозе, о том самом январском морозе, который в народной поэзии давно осмыслен, как Дед Мороз: «Увидал он плотника с топориком: «Ну сейчас потешусь над соколиком». А мужик покуривает да приплясывает, шапку с уха на ухо перебрасывает».

Доброй улыбкой светятся и стихи о молодых солдатах — еще вчерашних городских и деревенских пареньках, мужественно, без жалоб и хныканья, втягивающихся в железный ритм армейской жизни. С теркинской неунывностью лирический герой этих стихов говорит: «Мужчине полезна казарма: не все же родительский дом».

И мы не можем не порадоваться такому выводу: вчерашний юноша стал мужчиной, солдатом, надеждой и защитой Родины.

Таким он, повзрослевшим, но по-прежнему улыбчивым и бесконечно счастливым, возвращается со службы домой: «На заветное крылечко встал кирзовым сапожком».

С юмором сказано, но сколько за этим юмором смысла: «Кирзобый» сапог-то, поначалу казавшийся и неудобным и тяжелым, к концу службы стал «сапожком»! В этом глубокая мудрость солдатского опыта!

Не могу не отметить отчетливо звучащих в стихах Л. Беляева чувства высокого уважения к людям труда, постоянной заботы быть не просто рядом с ними и, уж конечно, не над ними, а вместе с ними, понятным для них и своим. Самое большое удовлетворение для поэта: «Знать, что на тебя глядит не косо добрая крестьянская душа».

Видимо, этой заботой обусловлен и выбор им художественных средств: Л. Беляев стремится к предельной точности и ясности языка, натуральности и естественности поэтического образа. Все это дает нам право ожидать от него новых поэтических открытий. И вместе с тем хочется пожелать молодому поэту большей активности и гражданской страстности, большей широты и глубины в поэтическом осмыслении мира — всего того, что придает Поэзии крылья, а нас, читателей, делает духовно богаче, нравственно зреее.

Сергей Викулов

* * *

Древний видится вал,
Брежу озером Белым.
Только год не бывал —
Веком кажется целым.
Чтоб совсем не зачах,
Мне хоть изредка надо
Согреться в лучах
Материнского взгляда,
Посидеть вечером
В теплой комнате деда,
Привозным табачком
Угощая соседа.
Побродить по полям,
Побывать на болоте,
Подойти к журавлям:
«Добрый день! Как живете?»
Я приеду опять
В тихий час листопада,
Буду яблоки рвать
Из отцовского сада
И ловить пескарей,
В нашем старом канале.
Только бы поскорей
Эти дни наставали.
Здесь я сын, а не гость.
Я не за день, не за год
Пропитался насквозь
Соком северных ягод.

* * *

Я уехал от вкусного чая,
От реки, от полянок лесных.
Но теперь, что ни день, замечаю —
На душе тяжелее без них.
Много шумных и людных компаний
На скамейках дворов городских.
Без особых душевных метаний
Подгитарные песенки их.
Пусть им весело — вольному воля.
Только я ничего не забыл:
Не хватает мне хлебного поля
И весеннего ржанья кобыл.
Вот он, транспорт, и быстрый и модный,
Остановится рядом, урча.
Но не хочется гладить холодный,
Лакированный бок «Москвича».
Путь назад не заказан, однако,
Да и годы промчались не все...
Желтым глазом дорожного знака
Подмигнуло мне снова шоссе.

* * *

Заплутал. Разглядывал пни,
И стрелял, и кричал.
Наконец набрел на огни,
В крайний дом постучал.
Как и всюду на севере,
Тут широкая печь,
На которой хоть семеро

Могут рядышком лечь,
И скамья деревянная,
И кадушка с водой.
А особо желанная
Встреча — дед с бородой.
Он толкует про давние,
Молодые года:
Как ценилось приданое,
Как служилось тогда,
Как бежала вся улица
За полком егерей...
И доверчиво жмурится
Рыжий кот у дверей.
Хоть сижу не под люстрою —
Благодарен судьбе.
Хорошо себя чувствую
В пятистенной избе.
Словно девицу красную
Встретил в этом лесу —
Ощущение праздника
В душе унесу.

* * *

Учти, мой друг, июль не вечен.
Чтоб он бесследно не иссяк,
Ты отложи хотя б на вечер
Портфель, распухший от бумаг,
И выйди в поле, в лес сверни-ка,
Напейся запахом хвои.
И не чернила, а черника
Пусть пальцы вымажет твои.

Спустись к реке. Держась за иву,
К воде губами припади —
Услышишь в этот миг счастливый
Преображенный стук в груди.

* * *

Как древнее поверье,
Избушки в лесах.
А небо над деревней
Все в белых полосах.
Рокочут реактивные,
А рокот отстает.
Блестят они, «ретивые»,
Как бабка их зовет,
Серебряными слитками...
Работа высока:
Они, как иглы с нитками,
Сшивают облака.
И рваной шапкой машет
Им долго-долго вслед
Ни разу не летавший
Стогодовалый дед.

ПО БЕЛОМУ ОЗЕРУ

Есть особая радость в этом —
Приезжать иногда домой.
Очень здорово, если летом,
И совсем неплохо зимой.
Наше озеро чем не море?

По нему мне не раз и впредь
На стремительном «Метеоре»
К дорогим берегам лететь.
Ах, кораблик — вот это штука! —
Жмет под семьдесят, с ветерком.
Едет бабка на свадьбу внука,
В мягких креслах сидим рядком.
Не заметили за разговором
(Как дорога-то стала мала) —
Засияли за Липиным Бором
Белозерские купола.
Что мне Ялта, Мисхор, Анапа!
Мне под северным небом добро.
Вновь ступаю по зыбкому трапу,
И колотится сердце в ребро.
Здравствуй, город мой древний, здравствуй!
Отворяю ворота души.
Ты мой князь: заходи и властвуй
И свои указы пиши.

В ОТПУСКЕ

Вновь доступны простые радости:
Черпать воду, дрова колоть.
И мгновения эти сладостны —
Отдыхает душа и плоть.
Мы от многого отвыкаем. Но
Убедился навек я в том,
Что дороже чудес мне каменных
Этот дедом срубленный дом.
Все тут прежнее, все по-старому,
Сердцу милое навсегда.

Как ухваты в углу поставлены,
И не сдвинули их года.
Помню, этот вот, самый мараный,
По спине разок погулял...
Засидишься за самоваром ли —
Ничего вкусней не пивал.
Я надену валенки батины
И сниму ружье со стены.
На снегу оставляю вмятины —
Дни-то отпуска сочтены.
Все увидел я, все ли выпросил?
Время попусту не бросай —
Отдыхай, душа, набирайся сил,
Воздух родины запасай.

* * *

Как хорошо, что знать нам не дано,
Когда умрем, когда умрут другие.
Иначе оставалось бы одно —
Подсчитывать минуты дорогие.
И в будни, и средь праздничной пальбы,
Где б ни жил ты, в каком бы ни был чине,
Везде тебя преследовала бы
Назойливая дума о кончине.
Не отыскать бы сладкого вина,
И горше редьки — алая малина,
И луг в ромашках — просто б целина,
И хлеб пахучий — только аржанина.
А так — живем себе, не дуем в ус.
И пиво пьем, и покупаем торты,
Кончаем школу, техникум и вуз,

И женимся, и ездим на курорты.
Зайдешь с ружьем в березовую тишь —
Ну там и вовсе, словно в доброй сказке.
Как будто околдованный стоишь.
И некогда подумать о развязке.

* * *

И пролились дожди грибные...
Да усидишь ли дома тут —
Ребята чуть ли не грудные,
И те с корзинками бегут.
Чуть свет — постели опустели.
Мы тоже в лес пошли с отцом
И по дороге захрустели
Свежепросольным огурцом..
Проселками и большаками
В осинники, в березняки,
Наполненные грибниками,
Бегут, бегут грузовики
Туда, в лесные коридоры,
Где свежий ветер меж вершин.
Кряхтят придавленно рессоры
У перегруженных машин.
В лесу ауканье и свисты.
Так ни над чем хохочут всласть
Отъявленные пессимисты,
Вдруг в жизнелюбов превратясь.
Последний гриб в корзину кину.
«Пошли домой!» — отца зову
И между веток паутину,
Как ленту финишную, рву.

* * *

Вытряхай кули,
Не жалей добра.
Поработали —
Закусить пора.
На столе жратва —
Помидоры, лук.
За столом братва —
Живописный круг.
И хоть речи их
Грубоватые,
Зато руки и плечи
Не ватные.
А досталось им —
Целый день почти
Бревна сталкивать.
Ты надень очки,
Посмотри-ка вниз,
В речку быструю.
Много добрых изб
Можно выстроить,
Если бревна те
Завязать в пучки.
Сосны ровные
Нате, плотнички!..
Вытряхай кули,
Не жалей добра.
Помидор соли.
Огурец коли.
Навались, братва!

* * *

Жизнь ведут, паутиной обвитую —
И с такими людьми я знаком, —
Ни словечка не скажут в открытую,
А в углу — шепотком, шепотком.
Если в доме захлопают форточки,
Чья-то тень промелькнет у крыльца,
То они приседают на корточки
И хватаются за сердца.
Не пойдут по траве босиком они:
Как же можно? Трава не паркет
И, наверно, кишит насекомыми...
Жаль, что змей в нашей местности нет!

СОН НА РЫБАЛКЕ

Умеют люди засыпать.
Один — едва коснулся полу,
Как начал храпы рассыпать
Такие, что медведю впору.
Да и другой глаза закрыл,
Почмокал сладостно губами —
И вот уже под шелест крыл
Парит над лунными лугами.
Под головы мешок травы —
И парни сразу засвистели.
Я не умею так, увы,
Хоть не в претензии к постели
Ночевывал и у костра,
И на копне за палисадом.
Но память — верная сестра —

Всегда присаживалась рядом.
Мы разговаривали с ней
И час и два на сон грядущий,
И становился вдруг ясней
Какой-нибудь вопрос гнетущий.
Вот и пришла она опять
И, тихо севши в изголовье,
Спросила: «Можешь ли понять
Солдатки русской сердце вдовье,
Мир покорившей добрым нравом,
Хотя досталось на веку?..» —
Друзья мои храпят на правом,
Рекомендованном боку.

ДВОРНИК

Выходит он, лишь ночь кончается,
Воткнув сигарку под усы.
Метла, как маятник, качается.
И сам он точен, как часы.

Я за размеренным движением
Его орудия труда
Слежу с глубоким уважением.
И чувство это навсегда.

ДОМА

Приоткрыл глаза. Неужто дома?
Мать несет муку из кладовой.
Пахнет удивительно знакомо —
Веники висят над головой.

Выбегу туда, где буйный клевер,
Золотистый клевер копит мед.
И меня травы широкий веер
Холодком зеленым опашнет...

Хорошо под вечер выйти в поле,
Где в суслонах цепенеет рожь,
Где жнивье подошвы бабам колет,
Где закат на зарево похож.

Хорошо, граблями на покосах
Молодое сено вороша,
Знать, что на тебя глядит не косо
Добрая крестьянская душа.

* * *

Дымком попыхивают трубы,
А дым восходит к небесам:
Тепло, видать, пошло на убыль —
Мороз ударил по басам.
В лесу срочий диспут слышен
На тему: «Как себя согреть?». —
А лес так светел, бел и пышен,
Что надо сбегать посмотреть.
Мороз и снег опять в новинку.
И я, напившись молока,
Отламываю половинку
Ржаного теплого горбка.
В руке держу ее не зря я —
Чтобы заметить мог Трезор —
И по тропе бегу, теряя
Подшитых валенок узор.

ВСТРЕЧА

Повстречались на мосту,
А встречаться бы не надо.
Сам не рад, она не рада,
Обойти бы за версту.
Лучше б руку ей не жать,
Лучше б душу не тревожить.
Только память не стреножить,
На скаку не удержать —
Понесла, взрывая снег,
И под сердце бьет копытом
О далеком, незабытом,
О потерянном навек.

* * *

В платицах девчонки отфорсили,
Не рискну в луга бежать босым —
Началось по всем лесам России
Факельное шествие осин.

Потянуло снова в перелески —
Так бывает к осени со мной.
Здравствуй, воздух, чистый, деревенский,
Просмоленный, ягодный, грибной.

Я иду по тропке, напевая
Песенку веселую свою.
Самой высшей пробы — золотая
Осень в нашем северном краю.

ВЫПУСКНИЦЫ

Проходят юные Офелии —
Набиты книжками портфели их.
И ты по выраженью лиц
Узнаешь сразу выпускниц.

Девчонки очень озабочены:
У них экзамены вот-вот,
Остановились у обочины
И снова двинулись вперед.

Цитаты подкрепляя жестами,
О чем-то спорят на ходу.
Глядят им вслед с улыбкой женщины,
Белье несущие к пруду.

В ПЕРЕУЛКЕ

Вышел мороз на прогулочку,
Не спеша идет по переулочку.
Увидал он плотника с топориком:
«Ну сейчас потешусь над соколиком».
А мужик покуривает да приплясывает,
Шапку с уха на ухо перебрасывает,
По бревну топориком постукивает
Да в глаза морозец поругивает.
Осердился мороз, дальше топает —
Стаю галок и ворон согнал с тополя,
Увидал на углу влюбленных парочку
И туда направился вразвалочку.
Дует, щеки раздувает, пока дух не замрет,

А девчонка парню ухо рукавичкой трет.
Улыбнулись друг другу. Не потеха ли —
На такси от мороза уехали.
И остались в переулке дед-мороз на бобах
Да мужик с топорिशком, с козьей ножкой
в зубах.

* * *

В. Кортаеву

Когда ты стал писать о сложном просто,
Стерев пустых красотостей налет,
То этим подтвердил: сильнее раз во сто
Живая правда за душу берет.

Взошли побеги — будут и початки:
На уголках страниц твоих стихов
Все чаще оставляют отпечатки
Прокуренные пальцы мужиков.

ДО СВИДАНИЯ

В армию, как будто на прогулку
На какой-нибудь десяток дней,
Хохоча, идет по переулку
Теплая компания парней.
Что им, молодым, пышноволосым,
Коли не извели пока,
Каково ползти по травам росным
Ночью, добывая «языка»,
Иль, насытив чрево автомата,

Уходить в очередной наряд.
Не совру ничуть: тяжеловата
Служба поначалу для ребят.
Дальняя дорожка предстоит им,
Кое-кто задумался, притих.
Вот уже армейский представитель
Пальцем пересчитывает их.
До свиданья, братцы-новобранцы,
Обнимите погрузневших мам.
До казарм счастливо вам добратся,
Повзрослеть, во многом разобратся,
Ну и возвратиться по домам.

НАЧАЛО

В начале обычной недели
Под пенье сигнальной трубы
На нас гимнастерки надели
И начисто сняли чубы.
Друг друга едва узнавая,
Хоть многие вместе росли,
Мы шли, от жары изнывая,
И облако пыли несли.
Под грузом гражданских привычек,
В еще непривычном х/б,
В мельканье мундиров и лычек.
Нам было не по себе.
Теперь мы немного обвыкли,
И нам уже так не страшны
Канавы ли грязные, крик ли
Разгневанного старшины.
В сапожки запрятали ноги —

СОЛДАТСКИЙ ОТПУСК

Пассажиры глядят
С лаской и участием —
Наслаждается солдат
Краткосрочным счастьем.
Отпускной билет в кармане —
Десять суток без дорог.
Едет к папе, едет к маме —
На родительский порог,
На сметану и творог
Да на маковый пирог.
На колесах через речки,
Через лужицы пешком —
На заветное крылечко
Встал кирзовым сапожком.
— Здравствуйте, родители! —
(По спине мурашки.)
Сын в зеленом кителе,
В голубой фуражке.
Вроде тот он и не тот.
Разговоры те же.
Только разве строже рот
Да улыбка реже...

* * *

Домой. Совсем. Издалека
Солдат вернулся.
За два года
Ушла вперед, конечно, мода
От брюк, добытых из комода,

На танцах в таких не кажись...
Вот так начиналась для многих
Простая солдатская жизнь.
Не так уж она лучезарна,
Хотя и привыкнешь потом.
Мужчине полезна казарма:
Не все же родительский дом.

КАБЛУЧКИ

В казарме застучали каблучки.
От необычности происходящего
Читающий солдат протер очки,
И оборвался храп у крепко спящего.
О непередаваемый момент.
Все повернули головы. Едва ли
Десятки километров кинолент
Вниманием вот так завладевали.
Дневальный нынче явно оплошал:
Забыв про инструктаж и про уставы,
Он только взглядом робко вопрошал:
Мол, кто же вы такая и куда вы?
Она сказала что-то старшине,
И каблучки простукали в каптерку.
И каждый тут поправил гимнастерку,
И «стройся!» прозвучало в тишине.
Как на параде, выровнялся строй,
Значки блеснули, вспыхнули нашивки...
Девчонка оказалась медсестрой.
Была весна. Нам делали прививки.

От шляпы, снятой с чердака.
Однако парню нипочем
Такое неустройство быта,
Покуда служба не забыта
Ногами, голосом, плечом.
Все эти моды ерунда.
Была бы только речка рядом,
И теплый дождь лупил по грядам,
И шуки лезли в невода.
Была в руках бы только сила.
Мы, дни напрасно не губя,
Служили для тебя, Россия,
Работать будем для тебя.

В УКРЫТИИ

Уже кончался рейс, вполне нормальный,
И флаг победно реял на ветру.
Но утром шторм начался семибалльный,
И он загнал нас в первую дыру.
Увы, наш корпус не совсем надежный,
Зато сплочен и дружен экипаж,
Короче: комсомольско-молодежный —
Здесь дух важней, чем опыт или стаж.
Был якорь стравлен на четыре смывки,
За островком он сдерживает нас.
Но у парней к концу подходят спички,
И тает продовольственный запас.
Ведь все мы люди, теплые, живые,
А островок пустынен и лесист...
Четвертый день прогнозы штормовые
Ловил в свои наушники радист.

Глаза нам намозолил этот остров,
Вконец осточертело домино,
И трижды по желанию матросов
Мы прокрутили каждое кино.
Кто в спячку впал, кто погрузился в книжки,
Один механик целый день подряд
Смакует вслух амурные интрижки,
И каждый раз глаза его горят.
Я тоже вспомнил образ той, красивой,
Чем дальше он, тем ярче и сильнее.
Она была течением Куро-Сиво
В полярных водах юности моей.
Восьмые сутки подошли к исходу,
Шторм надоел, наверно, всем богам.
Был путь открыт мечтам и пароходу.
Мы побежали к русским берегам.

* * *

Выходит в море пароход,
Выходит в море.
Привычно думает народ
О разном вздоре:
Валюта, ужин... Боже мой!
Уже качает,
А след мерцает за кормой,
Наш путь венчает.
Завинчивается вода
И пузырится,
Потом отстанет навсегда
И усмирится.
И я и все как этот след:

Дни скоротечны.
А берегам износа нет,
И волны вечны.

УТРО В ИНОСТРАННОМ ПОРТУ

Ребята спросонья угрюмы,
К тому же на палубе лед.
Но надо отдраивать трюмы,
И боцман пример подает.

Готово — к началу разгрузки.
Бригада рабочих идет.
Вот только ни слова по-русски,
А в общем, обычный народ.

Гудок. И закланялись краны —
Единая воля видна.
Мы видели разные страны —
Работа повсюду одна.

И это не бабкины сказки
Про чудо неведомых царств —
И докеров желтые каски,
И флаги других государств.

Привычная взгляду картина.
Но рад расставанию я.
Прибавь оборотов, машина!
Помчимся в родные края.

* * *

Такой погоды пожелаешь другу:
Кругом, как говорится, тишь да гладь.
Но вот по морю, словно бы по лугу,
Пошли барашки белые гулять.
Один кудрявый разбежался резво
(Чем пароход наш был ему не мил?),
Подпрыгнул бойко, стукнулся в железо
И загнутые рожки обломил.
Но вслед за этим слабеньким ударом
Стал чаще в пену зарываться нос.
Верна примета, видимо: недаром
Промчался утром черный альбатрос.
Мы знаем, лучше не шутить с волнами,
И к берегу решили повернуть.
Соленая, заигрывает с нами,
Стремясь в иллюминатор заглянуть.
Из-под кормы обманщица морская
Уйдет, оставив метры пустоты,
И, оголившись, воздух рассекая,
Вдруг бешено закрутятся винты.
В такое время думает о суше —
Будь хоть кого отчаянней — моряк.
Скорей туда, где, согревая души,
Подмигивает весело маяк.

* * *

Как далеко и как неважно
Вдруг стало все, чем жил вчера.
Сегодня холодно и влажно,
А ведь вчера была жара.

Я загорал на крышке трюма,
Мой пароход по курсу шел.
Ну а сегодня я с костюма
Нашивки желтые спорол.
И стал обычный, сухопутный,
Всем пешеходам в доску свой.
Плевать мне — встречный, иль попутный,
Иль дует «чисто бортовой».
Ведь мостовую не качает,
В квартиру захожу — не в порт.
Жена за лоцмана встречает,
А на столе вино и торт.
Волна плескалась, и ласкалась,
И дебоширила волна.
От прежних дней теперь осталась
Терминология одна.
Так стало призрачно, неважно
Все, чем дышал еще вчера.
Подумаешь, и даже страшно,
Никто не скажет:
«В рейс порай!»

УВЛЕЧЕНИЕ

Черные точки на белом снегу —
Это сидят рыбаки у лунок.
Я у своей судьбу стерегу,
Может, какой-нибудь ерш и клюнет.
Разные способы переберу:
И на блесну, и на мормышку.
Вглядываюсь в ледяную нору,
Будто кот, стерегущий мышку.

Холод забрался давно под пальто,
Щиплет лопатки, пятки щекочет.
Ни на какую приманку никто
Там, подо льдом, и смотреть не хочет.
Гаснет в безрыбье мой выходной,
Мелкий снежок засыпает лунку.
Эй, красноперый, хвати, родной,
Вытяни леску в тугую струнку!
Что тебе стоит, возьми и клюнь.
Вздогнула жилка и стихла.
Словом,
Окунь сказал мне: «Товарищ, плюнь.
Не занимайся подледным ловом!»

ЛЮБОВЬ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ

Я физрук — она историк.
Ситуация ясна.
Мне без милой вечер горек,
Темной ночью не до сна.
Проплывает с коромыслом
Мимо окон, молода,
Завихрятся мои мысли,
Словно в омуте вода.
Был уже, казалось, близок
Легкий путь к ее руке,
Но приехал нынче физик
С поплавком на пиджаке.
Черт — роно послал коллегу —
А ведь с виду кроток, тих.
По утопанному снегу
Я обскрипываю их.

ИМЕНИНЫ

Собрались на именины
Медик Фая, дед-вдовец,
Три подружки Агриппины,
Я да Васька-продавец.
Агриппине семь десятков,
Ровно семью десять лет.
Под гармонику вприсядку
Лихо пляшет старый дед.
«Изломаюсь, изогнусь,
К лету не работник.
Откровенно признаюсь —
Поплясать охотник».
С пива да настойки
Бабушка Агриппа
Разошлась настолько,
Что совсем охрипла.
Не уступит старику,
Выкинет коленце:
«Ох, сведите на реку,
Дайте полотенце.
Пойтё-ко-тё,
Напевайтё-ко-тё,
Про молоденькие годы
Вспоминайтё-ко-тё».
Дед наш уплясался,
Отряхнул бородку,
Отдыхать подался
За перегородку.
Ну а Васька, шельма, —
Видно, не в новинку —
Потихоньку в спинку

Чмокает Фаинку.
Три подружки Агриппины
Распевают от души:
«Хороши вы, именины,
Хороши».

МЕСТЬ

В день субботний дело это было:
Я стирал. Не вижу в том беды.
Как дельфин, выпрыгивало мыло
Из горячей пенистой воды.
— Ха, ха, ха! Полощешь распашонки?! —
Мой сосед с порога вдруг заржал.
На его бы плешь насыпать пшенки —
Я бы петуха над ней держал.
Ничего ему я не ответил,
Затаился, выждал, проследил,
Как он тещу поцелуем встретил,
В магазин покорно уходил.
А когда принялся мыть посуду —
— Ха, ха, ха! — С порога я заржал.
Никогда, наверно, не забуду,
Как он губы горестно поджал,
Как проямлил тихо и смущенно
Что-то в оправдание свое...
Удовлетворенный, отомщенный.
Я пошел постирывать белье.

* * *

«Командору, шпору, в пору,
Измельчат, галчат, девчат» —
Будто палка по забору,
В голове слова стучат.
Пальцем в воздухе воюя,
В чем-то очень убежден,
Не заметил, что стою я
Прямо в луже под дождем,
Что работницы столовой
На смех подняли меня,
А старик седоголовый
Побежал, как от огня.
Только тут в себя пришедший,
Я горланю старику:
«Дедко, я не сумасшедший,
Ты не бойся. Я нашедший
Подходящую строку!»

СОДЕРЖАНИЕ

О Леониде Беляеве. Сергей Викулов	3
«Древний видится вал...»	5
«Я уехал от вкусного чая...»	6
«Заплутал. Разглядывал пни...»	6
«Учти, мой друг, июль не вечен...»	7
«Как древнее поверье...»	8
По Белому озеру	8
В отпуске	9
«Как хорошо, что знать нам не дано...»	10
«И пролились дожди грибные...»	11
«Вытряхай кули...»	12
«Жизнь ведут, паутиной обвиту...»	13
Сон на рыбалке	13
Дворник	14
Дома	14
«Дымком попыхивают трубы...»	15
Встреча	16
«В платяцах девчонки отфорсили...»	16
Выпускницы	17
В переулке	17
«Когда ты стал писать о сложном просто...»	18
До свидания	18
Начало	19
Каблучки	20
Солдатский отпуск	21
«Домой. Совсем. Издалека...»	21
В укрытии	22
«Выходит в море пароход...»	23
Утро в иностранном порту	24
«Такой погоды пожелаешь другу...»	25
«Как далеко и как неважно...»	25
Увлечение	26
Любовь сельского учителя	27
Именины	28
Месть	29
«Командору, шпору, в пору...»	30

- Беляев Л. А.**
Б44 Дожди грибные. Стихи. М., «Молодая гвардия», 1975.

32 с. («Молодые голоса»).

Стихи молодого поэта из города Череповца Леонида Беляева неоднократно публиковались в журналах «Наш современник», «Север», в областных газетах.

Леонид Беляев хорошо знает природу, быт и людей северной деревни, пишет о них с любовью. Привлекателен и юмор автора, освещающий многие его стихи улыбкой.

Р2

Б 70402—057
078(02)—75 291—75

Леонид Александрович Беляев
ДОЖДИ ГРИБНЫЕ

Редактор **Н. Старшинов**
 Художник **Л. Егорова**
 Художественный редактор **Л. Белов**
 Технический редактор **Н. Михайловская**
 Корректоры **Н. Павлова, А. Долидзе**

Сдано в набор 5/XI 1974 г. Подписано к печати 25/II 1975 г.
 А08057. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 1 (усл. 1,4).
 Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 30 000 экз. Цена 12 коп. Т. П. 1975 г.,
 № 291. Заказ 1683.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес
 издательства и типографии: 103030. Москва, К-30, Суше-
 ская, 21.

12 коп.

ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ

Леонид Беляев родился в древнем городе Белозерске. Окончив Вологодский пединститут, два года служил в армии на Севере, затем работал в газете, на судах заграничного плавания. Сейчас живет в Череповце, работает на студии телевидения. Первая книга стихов «Тополя роняют пух» вышла в 1966 году в Северо-Западном книжном издательстве.
